Он очень боялся.

Неужели это дело затронет маму и дедушку? Неужели мама потеряет работу?

Но что же ему делать?

— Нельзя заявлять в полицию.

— Я никому не скажу, я ничего не выболтаю, нельзя в полицию.

Почувствовав, что кто-то приближается к нему, Ань Лэ крепко зажмурился, и в его голосе послышались слёзы.

— Я правда никому ничего не скажу, клянусь!

— Чем ты докажешь?

Ань Лэ замер, медленно поднял голову и посмотрел на говорившего молодого господина семьи Хэ, но не знал, что ответить.

— Я…

Ань Лэ опустил голову.

Он ничего не мог предъявить…

У него не было ни денег, ни доказательств, к тому же он был не слишком красноречив и ничего не мог толком объяснить.

У него не было ничего достаточно важного, чтобы обменять это с молодым господином семьи Хэ и заставить того поверить, что он никому не расскажет о случившемся.

Ань Лэ посмотрел на свою одежду, слегка растрёпанную во время борьбы, и на него мгновенной волной накатили те ужасные, мучительные воспоминания.

Из рукава выглянул кусочек обнажённой кожи.

Уродливый, но бывший его тайным секретом, который он прятал глубоко в сердце, страшась чужих глаз.

— Секрет.

Ань Лэ поднял голову и умоляюще посмотрел на Хэ Цзиньняня.

— Я клянусь тебе своим секретом.

Лицо молодого господина семьи Хэ было холодным, а взгляд — равнодушным, когда он свысока посмотрел на Ань Лэ.

— Но меня не интересуют твои секреты.

Глаза Ань Лэ вмиг наполнились влагой.

Превозмогая боль, он с трудом и очень медленно поднялся на ноги.

За секунду до того, как у Хэ Цзиньняня кончилось бы терпение, Ань Лэ быстро снял с себя всю одежду.

Хрупкое тело юноши предстало во всей красе перед окружающим пространством.

Обширные чёрные отметины тушью обвивали белоснежную кожу Ань Лэ: от запястий до ключиц, от груди до живота, со спины до бёдер. Некоторые пятна напоминали густые маски туши, покрывавшие целые участки кожи, другие тянулись тонкими извилистыми ручейками вдоль конечностей.

Но сколь бы тонкими и мягкими ни были мазки, которыми можно было бы описать эти чёрные знаки на теле юноши, они не могли скрыть их чужеродность и уродство.

Для Ань Лэ это походило на несмываемое пятно, покрывавшее всё его тело, и лишь самая глухая одежда позволяла хоть как-то это спрятать.

Однако на фоне сине-багровых кровоподтёков и отёков эта контрастирующая чёрно-белая кожа казалась не столь заметной.

Свежие раны накладывались на старые, синие переплетались с фиолетовыми, чёрные с белыми, и тело Ань Лэ походило на свиток, густо разрисованный самыми разными красками.

— Это мой секрет.

По сравнению с тайной семьи Хэ его собственный секрет был куда более наглядным и неприглядным.

Ань Лэ пристально смотрел на него.

— Теперь ты знаешь.

— Давай… обменяемся секретами.

Хэ Цзиньнянь немигающим взглядом уставился на тело юноши, его глаза были полны нечитаемых эмоций, и он тихо промолвил:

— Хорошо.

Едва слова сорвались с его губ, как Ань Лэ, словно лишившись последних сил, сделал несколько шагов назад и рухнул прямо на траву.

На него накатило острое чувство облегчения чудом спасшегося человека.

Он тяжело задышал, поднял глаза на Хэ Цзиньняня, и слёзы, больше не в силах сдерживаться, градом покатились по щекам.

— Я никому не расскажу о том, что случилось, а ты никому не расскажешь обо мне, ладно?

Хэ Цзиньнянь смотрел на его заплаканное лицо.

Спустя долгое время.

— Ладно.

Ань Лэ никак не мог остановить слёзы, но на самом деле он не чувствовал печали. Реакция молодого господина семьи Хэ вызвала в Ань Лэ глубочайшую благодарность.

Хотя он и не понимал значения его взгляда, Ань Лэ знал: в нём не было отвращения.

Материнское презрение, вздохи дедушки, ненависть и насмешки одноклассников.

В глазах молодого господина семьи Хэ не было ни единого из этих чувств.

Сдавленно всхлипывая, Ань Лэ спросил:

— Как тебя зовут?

Юноша с холодным выражением лица опустил взгляд.

— Хэ Цзиньнянь.

Глава 11

Чжао Лиюань пропал.

Он оставил лишь записку и тридцать тысяч юаней, предупредив Ань Юнь, чтобы та не заявляла в полицию и не пыталась его искать.

Когда Ань Лэ вернулся домой, Ань Юнь, держа за руку Чжао Чэна, тихо плакала.

Лицо Чжао Чэна тоже покраснело от слёз, он выглядел испуганным и растерянным.

Оказалось, что Чжао Лиюань перевёл все семейные деньги, оставив жене и пасынку всего тридцать тысяч.

На эти тридцать тысяч Ань Лэ с дедушкой могли бы прожить целый год. Но стоимость участия Чжао Чэна в одном лишь летнем лагере составляла ровно тридцать тысяч.

— Мам, что же делать? Почему папа вдруг исчез, говорит, не искать его и в полицию не обращаться? Когда он вернётся?

Ань Юнь притянула к себе Чжао Чэна, пытаясь его успокоить:

— Не бойся, папа наверняка скоро вернётся, он не бросит нас.

— Но он забрал все семейные деньги! Как нам жить без денег?

— Папа оставил нам тридцать тысяч, да у меня ещё кое-что отложено, на первое время хватит. К началу занятий… нет, еще до начала учебного года твой папа обязательно вернётся.

— А если он не вернётся? А если он потратит все деньги? Тогда как платить за моё обучение?!

Ань Юнь испуганно заговорила:

— Заплатим! Как же не заплатить? Даже если твой отец не вернется, мама разобьётся в лепёшку, но отправит тебя учиться в школу.

Следующий семестр знаменовал собой начало нового учебного года, а учёба в старшей школе, где учился Чжао Чэн, стоила баснословных денег: только за обучение приходилось выкладывать по сто пятьдесят тысяч в год, не считая прочих расходов.

Со слезами на глазах Ань Юнь снова и снова клялась Чжао Чэну:

— Ка бы тяжело и трудно ни было маме, она не позволит тебе испытывать хоть малейшую нужду.

— Мама, у меня осталась только ты.

Ань Юнь обняла Чжао Чэна и горько расплакалась.

Ань Лэ молча стоял в сторонке, не отрывая глаз от Ань Юнь.

Он-то знал: мама — прекрасная мать.

Просто иногда мама забывает, что он — тоже её ребёнок.

Раньше, увидев такую сцену, Ань Лэ обязательно спрятался бы в уголке и тихо поплакал.

Но сегодня его слёзы, казалось, иссякли до последней капли.

Ань Лэ уже едва помнил, как именно он ушёл из поместья семьи Хэ.

Он сидел на траве и плакал, а Хэ Цзиньнянь просто стоял рядом и смотрел на него.

Ничего не говорил и не уходил.

И даже не напомнил ему одеться.

Когда Ань Лэ наконец пришёл в себя, прошло уже много времени — настолько много, что даже если бы он немедленно оделся и бросился бежать из поместья Хэ, он всё равно едва успел бы на самый последний вечерний автобус.

Пережив столь потрясшее его событие, Ань Лэ думал, что проворочается без сна всю ночь напролёт. Но, к его величайшему удивлению, спал он прекрасно — даже лучше прежнего.

На следующий день Ань Лэ встал спозаранку, чтобы приготовить маме завтрак.

Чжао Лиюаня не было дома, и теперь, как бы ни была занята Ань Юнь, ей приходилось ночевать дома каждый день. Ведь Чжао Чэн боялся, что мама тоже исчезнет безмолвно, и умолял её возвращаться ночевать.

В глазах Ань Юнь это выглядело проявлением глубокой привязанности сына. Поэтому, как бы тяжело ни давались ей ежедневные поездки туда и обратно, Ань Юнь охотно на это шла.

Но из-за этого она уже не успевала вовремя выполнять работу в поместье. Все сбережения семьи муж унёс с собой, так что Ань Юнь была обязана удержаться на этой высокооплачиваемой работе. Узнав, что Ань Лэ разрешили приходить помогать в поместье, она предложила ему заменить её и каждый вечер оставаться в семье Хэ для завершения работы.

Если бы это произошло днём раньше, Ань Лэ, не раздумывая, согласился бы на просьбу матери и приложил все усилия, чтобы справиться наилучшим образом.

Но… после того, что случилось вчера, Ань Лэ уже опасался снова ступать на территорию поместья, не говоря уж о том, чтобы оставаться работать в оранжерее.

Заметив колебания на лице сына, Ань Юнь мгновенно помрачнела.

— Ань Лэ, ты не хочешь?

Ань Лэ замялся:

— Мама, я…

— Ладно, раз не хочешь — и не надо.

— Когда ты был не нужен, ты только и делал, что лез помогать и всё портил, а когда ты нужен — слова из тебя не вытянешь.

— Ань Лэ, положи руку на сердце: за столько лет, стоило мне попросить о помощи, помог ли ты мне хоть на сотую долю?

— Если бы сейчас на твоем месте был Чэн-чэн, он бы согласился, не раздумывая!

— Знаешь почему?

— Потому что он послушный, понимающий и умеет сочувствовать мне! А ты?

— Ты умеешь только висеть на мне мертвым грузом и пить мою кровь!

Ань Лэ было невыносимо больно и горько от того, что он не дал согласие сразу. Он же прекрасно знал, как сильно мама нуждается в помощи.

— Мама, я не отказываюсь, я согласен.

Выслушав его, Ань Юнь немного помолчала и тяжело вздохнула:

— Ань Лэ, ты должен научиться понимать маму, ты же знаешь, как мне тяжело.

— Прости, мама, я был неправ.

— Раз понял свои ошибки, то хорошо.

*

Ань Лэ последовал за Ань Юнь в поместье семьи Хэ.

В столь ранний час он пришёл впервые: у ворот охранники проводили общее собрание, а сады, газоны и фонтаны — везде люди занимались уборкой и украшением территории.

Закинув на плечо рюкзак со сменной одеждой, Ань Лэ вместе с Ань Юнь направился к месту их проживания — небольшому деревянному домику недалеко от оранжереи.

В поместье было много деревянных строений, но этот домик оказался значительно меньше остальных.

Это была оставшаяся невостребованной комната для прислуги: кровать, шкаф, стол и старая душевая.

Тесно, сумрачно и сыро.

— Жить здесь долго не придется, как только мы справимся с этой суматохой, всё наладится, так что пока потеснись здесь.

— Угу.

Наставив сына, Ань Юнь спешно ушла, больше к нему не заглядывая.

Ань Лэ в одиночку вычистил деревянный домик изнутри и снаружи, и прежде заброшенное жилище стало выглядеть куда приятнее. К счастью, в комнате имелись приготовленные ватные

матрасы и одеяла — совершенно новые, ещё в нераспечатанной упаковке, а Ань Лэ принёс с собой собственный пододеяльник.

Всё шло к лучшему.

Если бы он случайно не столкнулся с управляющим Се.

Под вечер Ань Юнь покинула поместье, переложив все оставшиеся дела на Ань Лэ. Для прислуги в семье Хэ существовала отдельная столовая, и Ань Лэ, получив свою порцию ужина, сел в самом углу. Ему нужно было поскорее поесть, чтобы до наступления темноты успеть полить цветы в саду.

Именно в этот момент управляющий Се появился в столовой.

— Ань Лэ?

— Что ты здесь делаешь? Разве ты не пошёл домой?

Видя, что управляющий Се по-прежнему приветлив и заботится о нём, как прежде, Ань Лэ понял: тот, должно быть, ещё ничего не знает о вчерашнем происшествии.

Да и немудрено — в конце концов, управляющий Се ушёл задолго до того, как его поймали.

http://bllate.org/book/36498/4535201